

И.И. Зильберберг

Такой антропософии нет

Помещаемая здесь статья и включённое в неё в качестве пояснительного вступления письмо были посланы в июле 1997 года главному редактору издававшегося в Москве "Нового педагогического журнала" А.В.Гладкому. В лучших (худших? прискорбных?) российских (советских? советско-российских?) традициях, никакой реакции от редактора не последовало, хотя доподлинно известно, что все посланные ему материалы он получил.

Уважаемый г-н Гладкий!

Мой друг Джон Томсон, с которым Вы встречались на конференции в Москве, дал мне для ознакомления переданные ему Вами два номера "Нового педагогического журнала". Материалы журнала я прочитал с большим интересом, а на один даже решил откликнуться прилагаемой здесь статьёй. Но не потому, что материал этот - напечатанная в 3-м номере статья А.И.Фета "Такой физики нет" - вызвала у меня особый интерес. Скорее наоборот: мне никогда не приходилось читать ничего столь поверхностного, надуманного и невежественного по предмету, изучению которого я посвятил много лет, - жизни и деятельности Рудольфа Штайнера, антропософии и вальдорфской педагогике. Проскакав таким интеллектуальным аллюром по серьёзнейшему культурно-общественному явлению, совершенно ему чуждому, непонятному и оставшемуся им непонятым и непознанным, он решается публично высказывать свои суждения о нём.

Статьи такого уровня не заслуживают, с моей точки зрения, не только ответа, но даже, простите, публикации. И если я всё же решил написать и направить в журнал ответную статью, то тому есть две причины. Первая - необходимость представить читателям, незнакомым с предметом, ряд фактов, так нещадно искажённых Фетом, и опровергнуть его измышления. Делая это, я вместе с тем отдаю себе отчёт в наличии и ряда реальных трудностей, с которыми может столкнуться человек при знакомстве с работами Штайнера. Об одной из них говорит цитируемый мною в статье американский профессор Роберт А.Макдормотт, редактор вышедшей в 1984 году антологии трудов Штайнера: "Каждый, кто впервые встречается с учением и трудами Рудольфа Штайнера, наверняка будет озадачен и даже, возможно, проявит недоверие, увидев перед собой библиографию в несколько сот томов. Исключая машинописные лекции или буклеты и брошюры, немецкое издание собрания сочинений Штайнера насчитывает 354 тома".

Вторая причина - то положительное, что я усмотрел в статье Фета. Несмотря на вышесказанное, я угадываю в нём человека, серьёзно озабоченного и состоянием российского образования, и тем легковерием, с которым иные педагоги в России бросаются сегодня на всякого рода привлекательные внешним блеском "инновации", особенно заморского происхождения, вместо того, чтобы идти

нелёгким путём собственных исканий. Увы, и вальдорфская педагогика стала для некоторых именно таким привлекательным объектом для подражания, в чём мне самому пришлось убедиться во время визитов в Россию для чтения лекций по антропософии и вальдорфскому образованию. Далеко не всё, что делается здесь в этой области, заслуживает одобрения, хотя то же самое я мог бы сказать и о Западе. Возможно, в этой оценке есть немалая доля субъективного, связанного с моими собственными поисками на этом пути. Во всяком случае я, вслед за Фетом, очень бы приветствовал критический подход ко всем новым для России педагогическим и другим общественным явлениям, в том числе, конечно, и к вальдорфской педагогике и антропософии. Но такой подход должен быть вдумчивым, серьёзным и обязательно базироваться на хорошем знании предмета - всё это начисто отсутствует в статье Фета. Поэтому-то мой ответ ему оказался по стилю более полемичным, чем того требует сам предмет разговора. Но в этом моём стиле, продиктованном самим Фетом, ничего личного по отношению к нему усматривать, разумеется, не следует.

Я посылаю Вам также две свои, опубликованные ранее в Израиле и в Германии, статьи, посвящённые затрагиваемой здесь теме. Вы можете распорядиться ими по своему усмотрению, но в любом случае я попросил бы Вас ознакомить с ними Фета, если он того пожелает. И уже специально для него я посылаю фотокопии предисловий Штайнера к его книге "Очерки тайноведения", переизданной недавно в России. В них Штайнер, в частности, поясняет, как бы специально для Фета, на каких читателей он, пользуясь терминологией Фета, "рассчитывал", - оказывается, и на таких, кто, подобно Фету, считает его учение "курьёзом" и "анахронизмом". Лично я искренне надеюсь, что независимо от своего отношения к Штайнеру и его учению, Фет, просто как культурный человек, не говоря уже - учёный, почувствует когда-нибудь неловкость за свои легкомысленные и невежественные высказывания о человеке, который хотя бы только по объёму и универсализму своих знаний - далеко не самое главное в личности Штайнера - стоит на такой высоте, которой мало кто достигал за человеческую историю. И Фету не может также не стать когда-нибудь стыдно за свой "духовный расизм" - огульно-пренебрежительное отношение к большому числу совершенно разных и незнакомых ему индивидуумов только за то, что они являются последователями учения Штайнера.

И последнее. Если по каким-либо причинам Вы не сможете опубликовать в журнале мой ответ Фету, то я попросил бы Вас поместить в нём хотя бы это письмо и ознакомить с моими статьями тех читателей, которых они заинтересуют.

* * *

Когда мой английский друг, вернувшись с педагогической конференции в России, дал мне на прочтение привезённые оттуда 1-й и 3-й номера "Нового педагогического журнала", я никак не предполагал, что у меня вдруг появится желание написать в него. А оно появилось в результате прочтения напечатанной в

3-м номере статьи А.И.Фета "Такой физики нет", которую он в свою очередь написал в ответ на помещённую в 1-м номере статью В.К.Загвоздкина "Преподавание физики по феноменологическому методу".

В своей статье, ряд положений которой вызывает у меня серьёзные возражения, Фет подверг критике, во-первых, самого Загвоздкина и его статью, во-вторых, научные взгляды Гёте и, в-третьих, Рудольфа Штайнера, его антропософию и вальдорфскую систему образования. Критика, как известно, здоровая вещь, даже если она резка и не очень доброжелательна - мягкость и вежливость не являются, с моей точки зрения, её основными качествами, Но таковыми без сомненья являются знание и понимание критикуемого предмета, которые, к сожалению, в критике Фета отсутствуют. Поэтому я посчитал необходимым ответить на неё, правда, не по всем трём вышеназванным аспектам, а лишь по последнему.

Свою критику Фет начинает ироническим замечанием о том, что вот, мол, Загвоздкин "предлагает нам учиться физике... у антропософов". Не знаю, в какой степени читатели журнала знакомы с понятием "антропософ", чтобы по достоинству оценить многоточие. Но это и неважно, ибо следуя логике Фета, мы могли бы тем же манером вопрошать, можно ли учиться физике... у христиан, буддистов, коммунистов, евреев, гомосексуалистов и т.д. и т.п. Мне кажется, физике, как и любому другому предмету, можно учиться у того, кто её знает, независимо от мировоззренческих или каких-либо других атрибутов этого человека. Если же Фет считает, что антропософ по определению не может знать физики или обучать ей, то он должен был всё же как-то объяснить сей патологический феномен.

Далее Фет пишет, что вальдорфскую систему обучения "придумал изобретатель антропософии Рудольф Штайнер". Трудно представить, чтобы автор, доктор физико-математических наук, был таким невеждой в области русского языка, чтобы не понимать абсурдности и неуместности употребления в данном контексте слов "придумал" и "изобретатель". Нет, он это делает намеренно, рассчитывая, что нелепость этого употребления перейдёт и на сам объект его критики - малодостойный приём для человека его интеллектуального и академического ранга.

Но продолжим цитировать: "В разных странах существуют основанные им "вальдорфские школы", где учиться приятно и легко. Не удивительно, что эти школы пользуются успехом и что родители охотно отдают в них своих детей. Оставляя в стороне вопрос, следует ли отдавать школьное образование в руки религиозных сект, можно спросить себя, какую физику преподают в этих школах".

Остановимся на этом пассаже подробнее. К моменту смерти Штайнера в 1925 году существовало всего пять вальдорфских школ, три в Германии и по одной в Голландии и в Англии, причём ни одна из них не была основана им самим. Лишь в основании первой из них, в 1919 году в Штутгарте, он принимал участие в качестве "учителя учителей", а основал школу для детей своих рабочих владеец табачной

Фабрики "Вальдорф-Астория" Эмиль Мольт. Он и пригласил Штайнера на указанную выше роль, и с этой-то школы и "пошли быть" и вальдорфская педагогика, и вальдорфские школы, и даже само название. Сейчас существует, по всему миру, около 700 вальдорфских школ, свыше 1200 вальдорфских детских садов и порядка 500 школ и центров по уходу за детьми с умственными отклонениями, что и составляет суть и содержание явления, получившего название "вальдорфского движения", в становлении и развитии которого принимали участие лишь идеи Штайнера, но не он сам. (На 2002 год первые две цифры составляют, соответственно, 850 и 1600.)

Слова Фета о том, что в вальдорфских школах "учиться приятно и легко", в силу чего они "пользуются успехом", можно было бы принять за комплимент, если бы в начале статьи он не пояснил, что понимает под лёгким и приятным учением. Учение, как и обучение, считает Фет, является трудным процессом - и мой собственный многолетний опыт участника обеих составляющих этого процесса лишь подтверждает его слова. Но некоторые, продолжает Фет, вполне в духе нашей эпохи, с помощью различных "магических методов" ищут обходные и лёгкие пути, способные сделать учебный процесс простым и не требующим серьёзного труда. Мне лично мало известно о таких попытках, но если они действительно имеют место, то я, основываясь опять же на личном опыте, отношусь к ним, как и Фет, с изрядной долей скептицизма. Поэтому мне особенно жаль, что он не указал, к каким результатам приводят эти "магические методы". Потому что если результаты оказываются положительными, тогда нам с ним, как и нашим единомышленникам в этом вопросе, возможно, придётся, несмотря на так ценимые нами серьёзность и трудолюбие, несколько пересмотреть своё отношение к "магическим методам".

Но суть в данном случае заключается в том, что Фет считает, что вальдорфской школе присущи именно такие неполноценные методы обучения, превращающие трудный и серьёзный учебный процесс в некое "приятное и лёгкое" времяпрепровождение. Да, невысокого мнения наш уважаемый автор о многотысячном коллективе незнакомых и неизвестных ему педагогов, преподающих сегодня в вальдорфских школах. Ещё более жалкими должны выглядеть в его глазах те сотни и сотни тысяч родителей, которые посылали и посылают своих детей в вальдорфские школы исключительно ради того, чтобы им было там "приятно и легко", совершенно не заботясь о том, что же станет потом с их не привыкшими к труду чадами-недоучками. И, наконец, если Фет вместе с рождённой его воображением армией беспечных родителей может себе позволить "оставить в стороне вопрос" о воспитании их детей, то реальные родители, по-настоящему озабоченные воспитанием своих детей, да ещё имеющие при этом возможность выбора, не могут не задуматься самым серьёзным образом о том, в чьи руки отдадут самое дорогое, что имеют в жизни. При этом их меньше всего интересуют ярлыки, навешиваемые кем-то на предмет их выбора, их интересует только суть: *что* происходит в школе и *к каким результатам* это приводит.

Для Фета эта суть вальдорфских школ сводится к одной игривой фразе о том, что учиться в них "приятно и легко", но источника даже этой одномерной информации он не указывает. Поэтому её приходится считать досужим домыслом, которому я хочу противопоставить несколько *фактов* из жизни вальдорфской школы, указав при этом, в отличие от Фета, источник моей информации. Этот источник - первая и самая большая в англоязычном мире вальдорфская школа, где в течение десяти лет учились мои дети. Всё это время я был глубоко вовлечён в жизнь школы, входил в её административные структуры, был членом комитета Ассоциации родителей и учителей, участвовал в многочисленных школьных мероприятиях, собраниях и дискуссиях, посещал уроки и т.п. Сюда же следует отнести и личные контакты, причём не ограниченные только Англией, как с учениками и родителями, так и с учителями различных вальдорфских школ, а также с преподавателями и студентами других антропософских учебных заведений. А интерес мой к вальдорфской педагогике зародился лет за десять до того, как мои дети начали ходить в вальдорфскую школу, - тогда, живя в Советском Союзе, я и мечтать о таком не мог, - а продолжается он и по сей день.

Я думаю, всё это даёт мне основание говорить, что я знаю о теоретических и практических аспектах вальдорфского образования не понаслышке. Так вот, утверждение о том, что в вальдорфских школах "учиться приятно и легко" - в положительном ли или в отрицательном смысле, - я не слышал ни от кого: ни от учеников, ни от учителей, ни от родителей. Слышал - и сам употреблял - многие другие эпитеты и характеристики, как хвалебные, так и критические, но только не те, что придумал наш автор, хотя я не сомневаюсь, что найдутся ученики вальдорфских, как, впрочем, и других школ, которые свою учёбу могли бы охарактеризовать такими словами. И всё же, если опросить по этому вопросу достаточно большое число учеников вальдорфских школ, то общим знаменателем их ответов, я думаю, будет слово "интересно". По крайней мере для тех, кто учился и в обычных школах, о чём я могу судить по ряду примеров, включая моего сына, который ходил и в московскую школу, и в израильскую, и в три английские, причём все они ему нравились.

Вот преподавать "по-вальдорфски" вне всякого сомнения гораздо интересней, но и намного труднее и ответственнее. Ведь обучение идёт не по учебникам, и учитель, который ведёт один класс в течение восьми первых лет, преподавая все основные предметы, должен их не только знать, но и переработать в себе таким образом, чтобы уметь преподнести детям в интересной и соответствующей их уровню восприятия форме. Дети же переносят излагаемое, изображаемое и демонстрируемое учителем в свои тетради-альбомы, создавая таким образом свои индивидуальные и индивидуализированные учебники.

Какие же при этом они получают знания? Тот же вопрос, но только не по адресу, задаёт и Фет, говоря: "можно спросить себя, какую физику преподают в этих школах". Ибо себя имеет смысл спрашивать в тех случаях, если сам в состоянии дать ответ, иначе вопросы превращаются в риторiku. Так вот, "в этих школах" преподают точно такую же физику, что и во всех остальных, и это в равной

степени относится и ко всем другим общеобразовательным предметам. Конечно, преподают по-другому, в соответствии со своим пониманием духовно-душевных процессов, происходящих в ребёнке, но только ни в коем случае не в ущерб знаниям, которые он должен получить.

Ибо в определённое время ученики вальдорфских школ одновременно со своими сверстниками по всей стране сдают одни и те же экзамены, которые проверяются и оцениваются независимыми экзаменаторами и по результатам которых их потом принимают в университет или берут на работу. И если бы вальдорфские школы не давали своим ученикам соответствующих знаний, уповая лишь на то, что в них "учиться приятно и легко", не думаю, что Фет смог бы написать единственную соответствующую действительности фразу: "Не удивительно, что эти школы пользуются успехом". А вот относительно того, что "родители охотно отдают в них своих детей", поясню, что, во-первых, за эту "охоту" им приходится расплачиваться из семейного бюджета, причём зачастую в ущерб другим нуждам, а, во-вторых, на "отдают" дело не кончается - надо ещё, чтобы взяли, ибо приём ребёнка в вальдорфскую школу - процесс далеко не автоматический. Но главная проблема здесь состоит в том, что на сегодняшний день не хватает ни вальдорфских школ, ни вальдорфских учителей, чтобы дать это образование всем желающим.

Но перейдём теперь от вальдорфского образования к тому, что и как Фет пишет о самом Штайнере и его антропософии. Само своё знакомство с работами Штайнера он описывает настолько предвзято, что у читателя, незнакомого с ними, не может вызвать ничего, кроме стойкого предубеждения против них. Посудите сами: "Мне довелось познакомиться с работами Штайнера благодаря случайному обстоятельству. В библиотеке моего друга, собранной в Соединённых Штатах, я обнаружил пачку его книг на немецком языке, напечатанных главным образом готическим шрифтом. От них пахло плесенью, и стиль их был столь же средневековым, как и способ печати, сохранившийся в Германии до наших дней; они, казалось, нашли бы своё место в кабинете доктора Фауста".

Мне кажется, самым простым для Фета было бы спросить своего друга, что этот заплесневелый хлам делает у него в библиотеке, да не на полке, как положено книгам, а в пачке. Как ему вообще удалось раздобыть такое старьё и с какой целью? Если он интересовался Штайнером, неужели в США его легче добыть на немецком, да ещё в архаичном издании и заплесневелым, чем на английском современного издания? Или он не переводится на английский и не издаётся на этом языке? Эти вопросы могли бы у меня возникнуть при чтении Фета, если бы в моей собственной библиотеке не стояло на полках порядка трёхсот наименований работ Штайнера на английском. Есть и одна прижизненного, 1920-го года издания, на немецком, напечатанная самым обычным шрифтом. Я специально поинтересовался у своей двуязычной приятельницы, многолетней профессиональной переводчицы Штайнера на английский - она ни разу в жизни не видела его книг, напечатанных готическим шрифтом. Так что мне стало понятным, что делали те книги в библиотеке друга нашего автора - они были библиографической редкостью.

Отвадив, таким образом, читателя от Штайнера всеми доступными ему внешними атрибутами, Фет переходит, наконец, к тому, чего больше всего ждёт читатель и ради чего, собственно, и был только смысл браться за перо - к содержанию штайнеровских работ. Вот что он об этом пишет: "У Штайнера можно было прочесть обо всём на свете, и кое-что о физике тоже... Он философствовал понемногу обо всём, рассчитывая, по-видимому, на читателя с "гуманитарными" склонностями, избегающего языка формул".

Ну, на какого читателя рассчитывал Штайнер, можно не "по-видимому", а точно узнать из его книг - он говорил об этом определённо и неоднократно. Но вопрос сейчас в другом: на какого читателя рассчитывал сам Фет? Неужели все читатели педагогического журнала настолько примитивны, что если даже никогда до Фета не слышали о Штайнере, готовы вполне удовлетвориться несколькими пустыми и претенциозными фразами, которые не могут претендовать даже на видимую научность? Только в расчёте на такого читателя мог Фет, развязав ту пресловутую, пахнущую плесенью пачку книг, переписать их названия и выдать на страницах журнала за "главные" сочинения Штайнера. Человек, хоть немного знакомый со Штайнером, мог бы принять и такой фантастический выбор, если бы Фет хотя бы указал, из чего и на основании чего он его сделал, - как-никак немецкое собрание сочинений Штайнера составляет 354 тома.

Фет не только рассчитывает на примитивизм своих читателей, но и сам демонстрирует изрядную долю его, когда подытоживает свой список "главных" работ Штайнера такой фразой: "любого знакомого мне физика такой список привёл бы в замешательство: он заподозрил бы, что всё это не по его части". Вовсе не надо быть физиком, да ещё из числа знакомых Фета, чтобы уразуметь, что в такой, например, работе как "Библейские типы книги Бытия" очень мало шансов отыскать какие-нибудь сведения о физике. Должен разочаровать Фета - не найдёт он их не только в Библии и в многочисленных комментариях к ней, но и в большинстве существующих в мире книг, для этого ему всё-таки придётся читать книги, посвящённые этой тематике. А вот "по части" ли физика книги не физического содержания - это зависит от кругозора самого физика.

Но Фет продолжает уверенно шагать дорогой примитивных измышлений по поводу Штайнера: "Целью его было создание религиозной секты - *антропософия* означает *человекомудрие*". К этой короткой фразе у меня два вопроса. Первый - семантический: что бы ни означало слова "антропософия", появившееся, кстати, задолго до появления на свет самого Штайнера, что здесь означает тире, то есть каким образом стоящие после него слова поясняют или раскрывают смысл слов, стоящих перед ним? И второй, главный: откуда Фету известно о жизненных целях Штайнера, разве он изучал его жизнь или хотя бы прочитал его автобиографию "Мой жизненный путь"?

Однако послушаем Фета дальше: "В этом он преуспел: после него остались издательства, школы и, несомненно, денежные средства, без которых в наше время никто не пророк, ни в своём отечестве, ни в чужом". Оказывается, издательства и

школы - это и есть "религиозная секта"? Вот так открытие! Сколько же тогда "религиозных сект" насоздавали, к примеру, наши родные советская власть и коммунистическая партия! Но в отличие от них Штайнер совсем не "преуспел": даже те несколько школ и издательство (одно!), которые "после него остались", не были созданы им самим. Но зато очень преуспели его идеи, на основе которых созданы и действуют сейчас во всём мире многочисленные учебные заведения, лечебные центры и больницы, лаборатории и исследовательские центры, фармакологические фирмы и издательства, банки и фермы, театральные труппы и центры по искусству.

Кстати, если уж разговор зашёл о религиозных сектах, многие ли из них или другие религиозные, духовные или идеологические организации, движения или течения или вообще какие-нибудь системы взглядов, мировоззрения или учения могут продемонстрировать миру такое практическое, разнообразное и вместе в тем общечеловеческое применение своих идей? Или всё это сделано, как нам самым беззащитным образом намекает Фет, на "оставшиеся" после Штайнера "денежные средства"? Ох уж эти "денежные средства" - идея фикс современного российского человека. Я не имею здесь в виду ни преуспевающих "новых русских", ни бедствующих "старых". Я говорю о том широко распространённом и прочно утвердившемся в России представлении, исповедуемом и нашим автором, что в каждом деле главное - "денежные средства". Потому-то он даже пророка не мыслит себе без них.

Нет, не было у Штайнера не только "денежных средств", но и никакого личного имущества, если не считать подаренного ему когда-то бюста Гегеля, бывшего - цитирую Штайнера - "одной из немногих вещей, которые сопровождали меня в моих многочисленных жизненных перемещениях". Не только не "осталось после Штайнера", но постоянно не хватало "денежных средств" и у возникших при его жизни различных антропософских начинаний, в том числе у главного из них - антропософского центра в Дорнахе (Швейцария) Гетеанума, о чём, в частности, свидетельствует один из участников его строительства Андрей Белый: "Другая тема собрания - Гетеанум: обсуждение вопроса о том, откуда собрать средства для усложняющейся стройки; собранных - не хватило; доктор (Штайнер - *И.З.*) обратился с горячайшим призывом: жертвовать всем, и так встряхнул, что средства - посыпались; кризис денежный элиминировали (на некоторое время)".

Увы, и сегодня большинству антропософских организаций приходится вести борьбу за физическое выживание, о чём я знаю и по собственному опыту - и многолетнего участника, как было сказано выше, жизни вальдорфской школы, а также ведая в течение трёх лет организационными, административными и финансовыми делами антропософской биодинамической фермы.

Но всё-таки главный предмет и статьи, и профессиональной жизни Фета - физика, поэтому уж здесь-то можно было ожидать от него продуманных, обоснованных, пусть и негативных, суждений. Увы, и тут Фет отделяется одной голословной, рассчитанной на полного невежду в данном вопросе, фразой: "У меня сложилось

убеждение, что физики Штайнер он понимал, хотя и учился одно время в технической школе".

На основании чего же у Фета сложилось такое убеждение, тем более что, как он сам утверждает абзацем ниже, "Штайнер не говорит о физике ничего вразумительного"? Ну не говорит - и не надо, поставил бы на этом пустом месте точку, но как на пустом месте может "сложиться убеждение" - это уже из области не физики, а метафизики. А что означает его расплывчатая фраза - "учился одно время"? Это пока не отчислили за неуспеваемость, что ли? И вообще, где был Фет со своими разоблачениями по поводу штайнеровского непонимания физики сто лет назад, ведь этого умудрилось не заметить за всё это время изрядное число людей, оказавшихся, как теперь выясняется, наивными, доверчивыми, а может даже несведущими, - от его преподавателей-профессоров и работодателей, до его учеников, последователей и исследователей его учения.

Судите сами. "Техническая школа", в которой Штайнер "учился одно время", - это Венское высшее техническое училище, по-нашему вуз, где он изучал в качестве основных предметов математику, физику, химию и биологию, а также естественную историю, зоологию, ботанику, геологию и чистую механику (того, что он одновременно изучал самостоятельно или вольнослушателем в своём и других вузах Вены, мы сейчас не касаемся). Теперь предоставим слово самому Штайнеру: "Каждый год я должен был сдавать экзамены по выбранным мною предметам, так как мне была назначена стипендия, и для того, чтобы получать её, я должен был представлять доказательства успешного прохождения определённого курса занятий. Однако моё стремление к знаниям, особенно в области естественных наук, не было удовлетворено этими обязательными занятиями. В то время можно было посещать лекции и даже принимать участие в лабораторных экспериментах в институтах Вены в качестве вольнослушателя. И мне всегда шли навстречу, когда я стремился таким образом расширить и углубить свои знания в науках, включая медицину".

"В физике доминировали механическая теория теплоты и волновая теория света и цвета. Посещаемый мною курс по механической теории теплоты представлял для меня особый личный интерес. Эти лекции читал ... Эдмунд Рейтлингер, автор интересной книги "Независимый взгляд"... В течение двух лет я посещал его лекции по механической теории теплоты, по физике для химиков и по истории физики. Под его руководством я работал в физической лаборатории во многих областях, особенно в области спектрального анализа ... он воистину зажигал своими лекциями. Его исследовательский метод был строго индуктивным... Ньютон был для него вершиной физических исследований. Его курс по истории физики состоял из двух частей: первая - от древних времён до Ньютона, и вторая - от Ньютона до наших дней. Рейтлингер был универсальным мыслителем. От исторического рассмотрения физических проблем он неизменно переходил к общим культурным воззрениям в истории. Он даже привносил в свои лекции по естественным наукам довольно общие философские идеи. Например, он проводил сравнение оптимизма и пессимизма и выступал с большим энтузиазмом в пользу

гипотез в научных исследованиях. Его преподнесение Кеплера и характеристика Юлиуса Роберта Майера были шедеврами научного изложения. Под влиянием Рейтлингера я прочитал практически все работы Майера, содержание которых я часто имел честь и удовольствие обсуждать с ним... Незадолго до смерти, как наследство, Рейтлингер дал мне рекомендации к лицам, которые могли снабдить меня частными учениками. Результаты были очень хорошими. Значительной частью дохода, поддерживавшего меня в течение последующих лет, я обязан Рейтлингеру, которого уже не было в живых".

"Я должен был давать уроки по совершенно разным предметам. Ситуации, к которым я должен был приспособиться, были "педагогически" самыми разнообразными. Например, один прусский офицер... хотел подготовиться к поступлению на службу в Австрийскую армию в качестве офицера инженерных войск. Волею судьбы я стал его учителем математики и научных дисциплин... Были и другие подобные случаи, как, например, закончившие курс обучения и готовившиеся к экзаменам на докторскую степень студенты, которых я обычно должен был подготовить по математике и научным предметам. Благодаря этой необходимости всё снова и снова прорабатывать научные дисциплины, у меня была прекрасная возможность познакомиться с современными воззрениями в этой области".

Понимал ли всё это Штайнер или же, если верить Фету, пускал пыль в глаза, но только по рекомендации одного из его учителей-профессоров, блестящего учёного и специалиста по Гёте, двадцатипятилетнему Штайнеру поручают подготовить к изданию несколько томов "Естественнонаучных трудов Гёте" и снабдить их вводными статьями, пояснениями и примечаниями. Вот что сам Штайнер пишет, в частности, об этом: "Для меня эта задача означала необходимость "переварить" как естественные науки, так и мировоззрение Гёте в целом. И поскольку это должно было быть представлено публике, я также должен был придти к какому-то заключению относительно того, что мне удалось к тому времени выработать как собственное мировоззрение".

Судя по всему, со своей задачей Штайнер справился успешно, по крайней мере по мнению руководителей Архива Гёте и Шиллера в Веймаре (а Фета, чтобы открыть им глаза, рядом не оказалось), которые пригласили его затем в качестве редактора научных трудов Гёте, готовившихся к изданию в составе его полного собрания сочинений. И эту работу он проделал успешно. Я пишу об этом к тому, что если бы Фет хотя бы ознакомился (я уже не говорю - изучил) с тем, что Штайнер написал, редактируя научные труды Гёте, он наверняка нашёл бы там нечто и по физике. Правда, в таком случае ему самому пришлось бы немало потрудиться, как, например, сделал Андрей Белый, работая над книгой "Р.Штайнер и Гёте в мировоззрении современности", ибо, по его свидетельству, "сумма всего, написанного о Гёте Штайнером, включая примечания и вводительные статьи к тексту, - огромна; по приблизительному подсчёту, произведённому когда-то мной, она выразилась бы около 1000 страниц..."

Тот же Белый, который провёл несколько лет в тесном общении со Штайнером, отмечая в своих воспоминаниях о нём, среди прочего, и его поразительную эрудицию по широчайшему кругу вопросов, касается и физики: "Штайнер был - всем: спецом-техником (прекрасно знал физику, и математику, теоретическую механику)..." - дальнейший перечень я опускаю. Далее Белый пишет о работе, проделываемой в разных областях учениками Штайнера, "среди которых встречаются спецы-врачи, спецы-художники, спецы-пасторы, спецы-математики, спецы-физики и т.д.,... но которые все, единогласно, признают его, так сказать, ПРОФЕССОРОМ в их усилиях провести реформу - в математике, в медицине, в искусстве, в физике..." Конечно, если Фет считает, что "лирик" для "физика" не авторитет, ничто не мешает ему самому ознакомиться с научными работами Штайнера, хотя бы с посвящёнными исключительно физическим проблемам, как, например, курсы лекций по световым и тепловым явлениям.

Как человек, решивший публично обсуждать, а тем более осуждать общественное явление, - в данном случае Штайнера, антропософию и вальдорфскую педагогику, - Фет был обязан ознакомиться с его содержанием и с относящимися к нему фактами. Тот факт, что Фет, будучи, судя по его регалиям, серьёзным учёным-физиком, поступил в данном случае как поверхностный и безответственный, бойкий на язык журналист, просто поразителен. В своём внутреннем отношении к этому - и любому другому - явлению он ни перед кем не должен отчитываться, он вправе иметь, не объясняя и не оправдываясь, любые взгляды, мнения, симпатии и антипатии. Но придание их гласности накладывает на него обязательства - по отношению и к тем, к кому он обращается, и к истине как таковой. Фет в данном случае свои обязательства не выполнил.

Поэтому мне хочется закончить свой ответ ему примером, демонстрирующим, с моей точки зрения, выполнение таких обязательств. Именно в этом суть дела, а не в том, что результаты в данном случае оказались диаметрально противоположными фетовским, то есть здесь важно *как*, а не *что*. В этом примере интересно и то, что можно провести ряд параллелей между ним и статьёй Фета: в обоих случаях авторы являются учёными-специалистами, хотя и в разных областях; оба пишут о Штайнере, его жизненных целях, антропософии и вальдорфской системе образования; оба познакомились с его работами случайно и в обоих случаях - на "американской почве". Но на этом, как увидит читатель, параллели кончаются.

Автор моего примера - американский профессор философии Роберт А.Макдермотт, который был редактором вышедшей в 1984 году в престижном издательстве антологии трудов Штайнера под названием *The Essential Steiner* - подобные антологии произведений и трудов различных писателей, мыслителей и учёных периодически издаются на Западе различными издательствами (по-английски *essential* означает *главный, основной, выражающий суть*). Представляя себя читателю в предисловии к антологии, он, между прочим, пишет: "Мною опубликованы научные статьи и книги по современной религиозной мысли, в том числе *The Essential Aurobindo*. Но только в 1975 году, после того как я в течение одиннадцати лет преподавал сравнительную философию и религию, прочитал

множество книг и дважды объездил мир, мне впервые встретилось имя Рудольфа Штайнера... Я был поражён, обнаружив книжный магазин, в котором имелось свыше сотни наименований работ на эзотерические и духовные темы, написанные современным западным автором, имя которого мне было совершенно незнакомо. Я отнёсся с некоторым подозрением к автору, книги которого были посвящены таким различным темам, как Гёте, образование, скульптура, металлы, пчёлы, ангелы, искусство, западная история и сельское хозяйство. Поскольку я считал себя экспертом по "Бхагават Гите",.. я вернулся домой с двумя книгами Штайнера по "Бхагават Гите", и обе произвели на меня глубокое впечатление... Спустя восемь лет и две сотни книг я могу засвидетельствовать, с неослабевающим удивлением и восторгом, что я ещё не встречал работу Штайнера, которую мог бы посчитать заимствованной или заурядной".

Объясняя, почему он, "новичок" в антропософии и человек академического и внешнего по отношению к ней мира, а не какой-нибудь видный антропософ явился редактором антологии Штайнера, Макдермотт пишет: "Сотни антропософов знают произведения и учение Штайнера гораздо лучше меня. С другой стороны, те, чья жизнь полностью посвящена практическим аспектам учения Штайнера, слишком поглощены требованиями и плодами своей антропософской работы, чтобы ещё заниматься доведением её до сведения академических и широких читательских кругов... ..труды Штайнера настолько обширны, его мысль настолько сложна и глубока, что большинство его последователей не склонны братья за перо, не обогатив себя плодами многолетнего изучения этих трудов. Неудивительно поэтому, что люди, изучающие Штайнера на протяжении всей жизни, с трудом могут поверить, что некто, посвятивший этому лишь несколько лет, возьмётся редактировать книгу с обязывающим названием The Essential Steiner..."

"Нет ничего удивительного или предосудительного в том, что оккультные и духовные мыслители подвергаются особому критическому рассмотрению. Сам Штайнер приветствовал такой подход и, более того, настаивал на том, чтобы излагаемое им не принималось на веру. Он называл своё учение духовной наукой именно потому, что он практиковал и отстаивал феноменологический, или эмпирический подход к духовному миру.

Штайнер не стал бы возражать против того, чтобы его учение оценивалось с точки зрения практического применения в науке, искусстве, образовании, религии и других областях, в которых оно оказало влияние. Там, где критерием оценки служат истина и практические результаты, Штайнер может позволить себе рекомендовать свои труды и своих последователей теми же словами, которыми пользовался Иисус в отношении христиан: "По плодам их узнаете их". Последователи Штайнера во всём мире исчисляются тысячами, включая многих врачей, учёных, художников, учителей и социальных работников. Эти люди создали действующие биодинамические фермы, посёлки для людей, нуждающихся в особом уходе, и тысячи учебных заведений, включая созданные недавно в Германии университет с докторским дипломом, школу юриспруденции и медицинское училище - все утверждённые правительством. Этот список может

быть продолжен и детализирован. Достаточно сказать, что даже беглый обзор работ Штайнера и деятельности, основанной на его идеях, продемонстрирует самым убедительным образом, насколько духовная наука Штайнера оказалась плодотворной, вызвав к жизни значительную практическую деятельность".

"Если у человека появляется уважение к системе образования, охватывающей сотни школ с преданным своему делу и компетентным преподавательским составом, с получающими отличное образование выпускниками, то представляется вполне естественным, что у него возникает желание узнать больше об основах этой образовательной системы. Хотя интерес большинства наблюдателей вполне удовлетворится получаемыми конечными результатами безотносительно к теоретическим основам учебной программы и педагогики, тот же, кто пойдёт дальше, получит определённое представление о том, как тот же самый духовный учитель, который вызвал к жизни вальдорфское школьное движение и десятки томов по теории и практике образования, произвёл также на свет сотни книг по философии, психологии, науке, искусству и христианской экзегезе".

"Хотя Штайнер утверждает, что нужды общества могут быть лучше всего удовлетворены посредством системы образования, подобной вальдорфской, основой и целью его педагогики является ребёнок... Предложения Штайнера относительно как образования, так и общества конкретны, подробны и последовательно вытекают из его понимания процессов духовного развития".

"...вся жизнь Штайнера может рассматриваться как попытка разрешить насущные проблемы, касающиеся индивидуума и общественной жизни, но его главной целью было показать, что фундаментальные решения должны базироваться на духовном основании... В своём жизненном устремлении привнести духовность в область познания он не искал ни восхищения своей работой, ни веры в своё учение... На первый взгляд может показаться, что Штайнер просто повторяет духовные учения великих мировых религий, но более пристальный взгляд на духовную науку, или антропософию, показывает, что её целью является дать человечеству совершенно новую способность - познание духовного мира посредством сознательного, свободного от чувственных восприятий мышления".

И закончить я хочу словами Макдермотта, которые можно отнести не только к его антологии, но и ко всему учению Штайнера или же к любой отдельной его работе: "Хотя не каждый, кто прочтёт эту книгу, примет содержащиеся в ней высказывания, - как самого Штайнера, так и о нём, - каждый может извлечь для себя пользу, честно приняв бросаемый этими высказываниями вызов".